

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.9>

UDC 341.9.001

LBC 67.930

Submitted: 02.06.2025

Accepted: 04.07.2025

THE DEFINITION OF THE AUTONOMY OF THE WILL AND ITS SIGNIFICANCE IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Maria A. Alexandrina

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Introduction: within the framework of ongoing discussions regarding the legal nature of the autonomy of the will, various approaches to its resolution have been highlighted. A systematic analysis of these approaches and the scientific positions within each is necessary. This paper notes the ambiguity in interpreting the term “autonomy of the will.” It examines the relationship between the principle of choice of law and the principles of freedom of contract and dispositivity. **As a result** of the research, the paper emphasizes the appropriateness of using the term “autonomy of the will” to define the basis of dispositivity and freedom of contract within a broad context and, in a narrower traditional sense, to define a principle of private international law. Contradictions in the various interpretations of the legal essence of autonomy of the will are evident. It is viewed as the possibility of choice of law based on sectoral principles, as one of the conditions of foreign economic transactions or other agreements between participants in private international law relations, and as a conflict of laws principle (element of introduction, rule). **Conclusions:** the autonomy of the will (in the sense of choice of law) differs from other conflict of laws principles and takes precedence over them. The principles of dispositivity and freedom of contract fully apply to private law relations of an international nature. However, these principles should not be equated with autonomy of the will, nor should the latter be considered a component of them. Autonomy of the will, in a broad sense, underlies dispositivity and freedom of contract, but the possibility of choice of law should be limited to private international law relations and regarded as a principle of private international law. Considering the ambiguity of the term “autonomy of the will” and the content of the norms of the Civil Code of the Russian Federation, this principle should be referred to as “the principle of choice of law.”

Key words: autonomy of the will, choice of law, dispositivity, freedom of contract, principle of private international law.

Citation. Alexandrina M.A. The Definition of the Autonomy of the Will and Its Significance in Private International Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 67-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.9>

УДК 341.9.001

ББК 67.930

Дата поступления статьи: 02.06.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

ДЕФИНИЦИЯ АВТОНОМИИ ВОЛИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Мария Александровна Александрина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Введение: в рамках непрекращающихся дискуссий вокруг проблемы определения юридической природы автономии воли выделяются различные подходы к ее разрешению. Требуется системный анализ указанных подходов и научных позиций в пределах каждого из них. В настоящей работе отмечается неоднозначность толкования термина «автономия воли». Рассматривается соотношение принципа выбора применимого права с принципами свободы договора и диспозитивности. **В результате** проведенного исследования отмечена целесообразность использования термина «автономия воли» для определения основы диспозитивности и свободы договора в рамках широкого подхода и в узком традиционном понимании для обозначения принципа международного частного права. Выявлено противоречие различных трактовок юридической сущности автономии воли: возможности выбора применимого права в значении отраслевого принципа;

одного из условий внешнеэкономической сделки или иного соглашения участников международных частноправовых отношений; коллизионного принципа (привязки, правила). **Выводы:** автономия воли (в значении выбора применимого права) отличается от иных коллизионных принципов, обладает приоритетом над ними. Действие принципов диспозитивности и свободы договора в полной мере распространяется и на частноправовые отношения международного характера. Однако указанные принципы не следует отождествлять с автономией воли или рассматривать последнюю как их составляющую. Автономия воли в широком понимании лежит в основе диспозитивности и свободы договора, но в значении возможности выбора применимого права должна иметь место лишь в сфере международных частноправовых отношений и рассматриваться в качестве принципа международного частного права. С учетом многозначности термина «автономия воли» и содержания норм Гражданского кодекса Российской Федерации указанный принцип следует именовать как «принцип выбора применимого права».

Ключевые слова: автономия воли, выбор применимого права, диспозитивность, свобода договора, принцип международного частного права.

Цитирование. Александрина М. А. Дефиниция автономии воли и ее значение в международном частном праве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 67–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.9>

Введение

Традиционно автономия воли признается основой, на которой базируется международное частное право, то есть она рассматривается в качестве основополагающего начала (принципа), на котором строится регулирование международных частноправовых отношений. В более широком, в самом общем смысле сущность и содержание данного принципа определяются как закрепленная «в законе возможность сторон выбрать правопорядок, на основе которого будут урегулированы их отношения» [1, с. 94]. Однако наиболее часто выбор права находит свое выражение в содержании международных контрактов, поэтому традиционно под автономией воли подразумевается выбор применимого права сторонами договорных правоотношений [10, с. 420]. Данный принцип максимально эффективно реализуется в сфере международного коммерческого права, и не только. Соответственно, «автономия воли сторон является важнейшим принципом, на котором строится международное частное право вообще и право международной торговли в частности» [2, с. 213].

До настоящего времени проблема определения юридической природы автономии воли остается дискуссионной. В частности, выбор права рассматривается как особый коллизионный институт, одна из коллизионных норм [7, с. 212–219; 9, с. 78]. При этом все остальные точки зрения представляют собой отражение взглядов на различные его стороны [3]. Также предлагается рассматривать

автономию воли одновременно и как институт, объединяющий правовые нормы, в которых он закреплен, и в «широком» смысле – в качестве «трансформации частноправового принципа диспозитивности применительно к трансграничным правоотношениям» [1, с. 96–97]. В соответствии с некоторыми теориями автономии воли она наделяется материальноправовой природой и рассматривается как одно из условий договора (условие о выборе применимого права). В итоге на него распространяется действие основополагающего принципа гражданского права – принципа свободы договора. Но выбор права нельзя рассматривать как выбор материальных условий договора, а присущий автономии воли договорный элемент не характерен для обычных коллизионных норм. Поэтому нет сомнений в том, что не бесспорна коллизионная трактовка автономии воли [8, с. 9–12].

Автономия воли в значении выбора применимого права не должна рассматриваться как коллизионный принцип (привязка, правило). Она имеет приоритет над коллизионными правилами и представляет собой принцип международного частного права, его основополагающее начало, суть которого состоит в свободе выбора субъектами правоотношения определенной правовой системы для регулирования их взаимоотношений. Но реальность такова, что сформулированная именно в форме субъективной коллизионной привязки автономия воли получила правовое закрепление и, соответственно, юридическую значимость. В качестве коллизионного прин-

ципа, включенного в коллизионную норму, автономия воли приобретает приоритет относительно иных объективных коллизионных привязок [9, с. 78].

Очевидно, что термин «автономия воли» не имеет однозначного толкования. Автономией воли традиционно именуется коллизионный принцип выбора применимого права, и одновременно возможность выбора определенной национальной правовой системы (а иногда источников негосударственного характера) участниками международных частноправовых отношений понимается в качестве, условно говоря, отраслевого (точнее подотраслевого) принципа. Автономия воли также лежит в основе диспозитивности, предполагающей реализацию участниками различных частноправовых отношений свободного волеизъявления.

Следовательно, необходимо обратить внимание на соотношение автономии воли, принципов диспозитивности и свободы договора. Среди авторов наблюдаются разночтения в трактовке указанного соотношения. Можем ли мы автономию воли считать составляющей принципа свободы договора? В частности, предлагается рассматривать их соотношение, во-первых, с позиции гражданского права как взаимосвязанные, но сохраняющие определенную самостоятельность принципы, а автономия воли имеет место и в тех случаях, когда вопрос о выборе не возникает; во-вторых, с позиции международного частного права как соотношение общего (свобода договора) и частного (автономия воли) [5, с. 145]. С последним трудно согласиться. Возможность выбора применимого права в широком понимании допускается лишь в регулировании международных частноправовых отношений.

Не следует идентифицировать автономию воли субъекта с принципом автономии воли, а также с субъективным правом определять содержание договора. Если рассматривать правовую природу принципа свободы договора, то становится очевидным, что в качестве основания реализации субъективных прав, составляющих его содержание, выступает автономия воли субъектов договорных отношений. В данном аспекте автономия воли лежит в основе реализации и иных

субъективных прав в различных частноправовых сферах.

Терминологическая неопределенность порождает противоречивые позиции относительно сущности и места принципа автономии воли в национальных правовых системах и международном праве в целом. Например, свобода договора относительно автономии воли рассматривается как более широкое явление, из чего формулируется вывод о том, что автономия воли как «право сторон внешнеэкономического договора определять подлежащее применению право» является «структурным элементом свободы договора» [6, с. 36]. В итоге автономия воли как черта, характеризующая субъектов договорных отношений, необоснованно включается в содержание свободы договора.

Общепризнано, что определение применимого права является традиционной составляющей принципа автономии воли. Что же касается свободы вступления в договорные отношения, самостоятельности определения условий и порядка исполнения договора, то стороны наделены возможностью по своему усмотрению, по согласованию между собой, устанавливать взаимные субъективные права и обязанности, не выходя за рамки сверхимперативных норм избранного права в качестве применимого к их отношениям и при условии непротиворечия публичному порядку. В первом случае речь идет о принципе международного частного права, для разграничения которого с гражданско-правовым принципом свободы договора используется термин «автономия воли». Свобода договора характерна для любых контрактов, в том числе внутренних, а возможность выбора применимого права должна иметь место лишь в сфере международных частноправовых отношений.

Применительно к международным коммерческим контрактам предлагается выделять принцип свободы контракта, который в отличие от принципа свободы договора включает возможность свободного решения сторонами контракта юрисдикционных вопросов (порядок разрешения споров) и вопросов о применимом праве. При этом утверждается, что данные возможности предполагают принцип автономии воли, а свобода оп-

ределения материальных условий сделки предполагается принципом свободы контракта [2, с. 218].

Но определение материальных условий внутренней сделки, а также условий о порядке разрешения споров базируется на принципе свободы договора. Кроме того, во внутренних контрактах также могут не содержаться условия о порядке разрешения споров (арбитражная оговорка), но возможно заключение самостоятельного арбитражного договора. А вот соглашению о применимом праве дозволено иметь либо вид одного из условий международного контракта, либо самостоятельного договора. Соглашение о применимом праве как результат согласования воли сторон международного контракта вообще может отсутствовать. Но в целом возможность выбора применимого права предусмотрена в рамках регулирования лишь международных частноправовых отношений. Во внутренних же договорах она косвенно допускается при определенных условиях небесспорной нормой п. 5 ст. 1210 ГК РФ.

Частноправовой принцип диспозитивности, на первый взгляд, шире по содержанию принципа автономии воли в его традиционном доктринальном значении. В соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ диспозитивность заключается в праве граждан (физических лиц) и юридических лиц приобретать и осуществлять свои гражданские права своей волей и в своем интересе. В обобщенном значении она предполагает возможность участников частноправовых отношений самостоятельно выбирать варианты поведения, совершать любые действия, не запрещенные законом; в частности, возможность сторон договора по своему усмотрению определять условия договора. Утверждение о том, что «институт автономии воли – это одна из составляющих принципа диспозитивности» [4, с. 95], согласуется с традиционной трактовкой рассматриваемого института.

Вместе с тем необоснованно выглядит предложение рассматривать автономию воли в качестве «трансформации частноправового принципа диспозитивности применительно к трансграничным правоотношениям» [1, с. 96–97]. Если абстрактно исходить из смысловой нагрузки термина «диспозитивность», сторо-

ны также могут выбирать применимое право к своим частным правоотношениям. Но это не означает нахождения данной возможности в рамках принципа диспозитивности, так как она распространяет свое действие (реализуется) за пределами внутренних частноправовых отношений. Что же касается возможности выбора нейтрального права к отношениям, вытекающим из внутренних контрактов, данное новшество вызывает сомнения, поскольку норма п. 5 ст. 1210 ГК РФ создает условия для применения так называемого обхода закона. Такое положение выглядит скорее как исключение и никак не может служить основанием распространения действия принципа автономии воли (точнее, принципа выбора применимого права) на все внутренние частноправовые отношения.

Так же как и для принципа диспозитивности, для принципа свободы договора характерны универсальность и повсеместное применение, что обусловило их общепризнанность. И поскольку дозволительная направленность правового регулирования отличает частноправовые отношения от публично-правовых, указанные принципы гражданского права являются принципами частного права в целом [1, с. 95]. Универсальность проявляется через предоставленные нормами гражданского законодательства широкие возможности по договорному регулированию отношений, осуществлению гражданских прав и исполнению обязанностей субъектами частноправовых отношений (в том числе отношений международного характера), которые действуют руководствуясь собственной волей и базируясь на согласовании интересов. При этом нормативные ограничения и пределы не исключают универсальности указанных фундаментальных положений и в целом признания в качестве правовых принципов. Действие принципов диспозитивности и свободы договора в полной мере распространяется на частноправовые отношения международного характера. Принцип автономии воли (выбора применимого права) занимает отдельное место среди иных частноправовых принципов и распространяет свое действие исключительно на международные частноправовые отношения.

Выводы

В итоге автономия воли (в значении выбора применимого права) отличается от иных коллизионных принципов, так как имеет договорную основу (при этом не относится к числу материальных условий сделки) и не содержит точного алгоритма определения применимого права. Автономия воли в указанном значении обладает приоритетом над коллизионными правилами, которые подлежат применению лишь в том случае, когда участники международных частнопрововых отношений не выбрали применимое право (с учетом установленных ограничений). Действие принципов диспозитивности и свободы договора в полной мере распространяется и на частнопрововые отношения международного характера. Однако указанные принципы не следует отождествлять с автономией воли или рассматривать последнюю как их составляющую. Автономия воли в широком понимании лежит в основе диспозитивности и свободы договора, но в значении возможности выбора применимого права должна иметь место лишь в сфере международных частнопрововых отношений и рассматриваться в качестве принципа международного частного права. В сфере регулирования международных частнопрововых отношений автономия воли должна получить закрепление в качестве подотраслевого принципа, а с учетом многозначности термина «автономия воли» и содержания норм ГК РФ указанный принцип следует именовать как «принцип выбора применимого права».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Ю. М. К вопросу о соотношении понятий автономии воли, диспозитивности и свободы договора / Ю. М. Акимова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 6. – С. 94–97.
2. Бахин, С. В. Принципы права международной торговли / С. В. Бахин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4 (237). – С. 197–218.
3. Глинщикова, Т. В. Автономия воли как инструмент выбора применимого права в международном частном праве / Т. В. Глинщикова, И. В. Волошина // Modern Science. – 2021. – № 1-1. – С. 133–136.

4. Дармокрик, В. Ф. Пределы принципа автономии воли и право, применимое сторонами при выборе условий сделки в международных договорах / В. Ф. Дармокрик // Вестник СГЮА. – 2016. – № 1 (108). – С. 94–100.

5. Занибеков, М. М. Автономия воли сторон и свобода договора при заключении международного коммерческого договора: действующий правовой механизм или юридическая фикция? / М. М. Занибеков // Вестник МФЮА. – 2016. – № 12. – С. 142–153.

6. Кондратьева, Е. М. Свобода договора и «автономия воли сторон» как гарантии осуществления конституционных прав российских участников внешнеэкономической деятельности в международном частном праве / Е. М. Кондратьева // Вестник Нижегородского университета. Серия «Право». – 2003. – № 1. – С. 33–44.

7. Лунц, Л. А. Курс международного частного права / Л. А. Лунц. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.

8. Малкин, О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора / О. Ю. Малкин. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – 157 с.

9. Нам, К. В. Ограничения выбора применимого права в соответствии с регламентом ЕС № 864/2007 от 11 июля 2007 г. «О праве, применимом к внедоговорным обязательственным отношениям» / К. В. Нам // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 2 (63). – С. 76–84. – DOI: 10.12737/article_58ec9f585c3c88.66062020

10. Чернышева, С. А. Некоторые проблемы применения автономии воли сторон в международном частном праве / С. А. Чернышова, Т. В. Глинщикова // Modern Science. – 2020. – № 5-3. – С. 420–423.

REFERENCES

1. Akimova Yu.M. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy avtonomii voli, dispozitivnosti i svobody dogovora [On the Issue of the Relationship Between the Concepts of Autonomy of Will, Dispositiveness and Freedom of Contract]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 2014, no. 6, pp. 94-97.
2. Bakhin S.V. Printsipy prava mezhdunarodnoy trgovli [Principles of International Trade Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2001, no. 4 (237), pp. 197-218.
3. Glinshchikova T.V., Voloshina I.V. Avtonomiya voli kak instrument vybora primenimogo prava v mezhdunarodnom chastnom prave [Autonomy of Will as a Tool for Choosing the Applicable Law in

International Private Law]. *Modern Science*, 2021, no. 1-1, pp. 133-136.

4. Darmokrik V.F. Predely printsipa avtonomii voli i pravo, primenimoye storonami pri vybore usloviy sdelki v mezhdunarodnykh dogovorakh [Limits of the Principle of Autonomy of Will and the Law Applicable by the Parties When Choosing the Terms of a Transaction in International Treaties]. *Vestnik SGYuA* [Bulletin of the SSLA], 2016, no. 1 (108), pp. 94-100.

5. Zhanibekov M.M. Avtonomiya voli storon i svoboda dogovora pri zaklyuchenii mezhdunarodnogo kommercheskogo dogovora: deystvuyushchiy pravovoy mekhanizm ili yuridicheskaya fiktsiya? [Autonomy of the Will of the Parties and Freedom of Contract When Concluding an International Commercial Contract: A Valid Legal Mechanism or a Legal Fiction?]. *Vestnik MFYuA* [Bulletin of the Moscow Financial and Law Academy], 2016, no. 12, pp. 142-153.

6. Kondratieva E.M. Svoboda dogovora i «avtonomiya voli storon» kak garantii osushchestvleniya konstitutsionnykh prav rossiyskikh uchastnikov vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti v mezhdunarodnom chastnom prave [Freedom of Contract and “Autonomy of the Will of the Parties” as Guarantees of the Implementation of Constitutional Rights of Russian Participants in Foreign Economic Activity in International Private

Law]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Series: Law], 2003, no. 1, pp. 33-44.

7. Lunts L.A. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava* [Course of International Private Law]. Moscow, Spark Publ., 2002. 1007 p.

8. Malkin O.Yu. *Pravovoye regulirovaniye vybora prava storonami dogovora* [Legal Regulation of the Choice of Law by the Parties to the Contract]. Moscow, Izd-vo SGU, 2008. 157 p.

9. Nam K.V. Ogranicheniya vybora primenimogo prava v sootvetstvii s reglamentom ES № 864/2007 ot 11 iyulya 2007 g. «O prave, primenimom k vnedogovornym obyazatel'stvennym otnosheniyam» [Limitations on the Choice of Applicable Law in Accordance with EU Regulation No. 864/2007 of 11 July 2007 “On the Law Applicable to Non-Contractual Obligations”]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2017, no. 2 (63), pp. 76-84. DOI: 10.12737/article_58ec9f585c3c88.66062020

10. Chernysheva S.A., Glinshchikova T.V. Nekotoryye problemy primeneniya avtonomii voli storon v mezhdunarodnom chastnom prave [Some Problems of the Application of the Autonomy of the Will of the Parties in International Private Law]. *Modern Science*, 2020, no. 5-3, pp. 420-423.

Information About the Author

Maria A. Alexandrina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law, Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, aleks9999.72@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3532-8750>

Информация об авторе

Мария Александровна Александрина, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, aleks9999.72@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3532-8750>